

Урало-сибирский тыл Победы и англо-американские СОЮЗНИКИ

К.И. ЗУБКОВ, кандидат исторических наук.

E-mail: zubkov.konstantin@gmail.com

Институт истории и археологии Уральского отделения РАН, Екатеринбург

Аннотация. В статье анализируются условия и факторы, определившие в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. повышенное внимание англо-американских союзников СССР к регионам Урала и Сибири как стратегической военно-индустриальной базе сопротивления агрессии нацистской Германии и милитаристской Японии. Выявлены особенности позиций США и Великобритании по вопросу роли и значения урало-сибирского тыла в формировании антигитлеровской коалиции, организации борьбы против держав-агрессоров и послевоенной расстановке сил в мире. Приводятся позиции и оценки представителей политического истеблишмента, дипломатов, журналистов, анализируется посвященная Уралу и Сибири литература, вышедшая в США и Великобритании в годы войны.

Ключевые слова: Урал; Сибирь; Соединенные Штаты Америки; Великобритания; Великая Отечественная война; Вторая мировая война; стратегический тыл; союзники; антигитлеровская коалиция; военно-индустриальная база

Значение Урала и Сибири как крупных индустриальных регионов, выросших за годы первых советских пятилеток и ставших базой создания стратегического тыла СССР в годы Великой Отечественной войны, определялось не только их непосредственным военно-экономическим вкладом в Победу, но и огромным влиянием на общие стратегические сценарии ведения войны, на так называемую «большую стратегию». Лежащее в ее основе геостратегическое планирование, помимо учета текущих военных факторов, включало в свою орбиту сложнейшую систему проективных оценок экономических потенциалов, пространственных резервов и коммуникационных возможностей каждой из воюющих стран. Такие оценки оказывали огромное влияние на военно-политические решения и моральное состояние сторон, определяли горизонт «большой стратегии» ведения войны, вбирая в себя целый комплекс военных, политических, пространственных и экономических решений.

Критический вопрос коалиционной стратегии

Хотя летом и осенью 1941 г. внимание всего мира было приковано к тяжелым оборонительным боям Красной армии на московском направлении, стратегические соображения союзников СССР – Англии и США – в это время во всё большей степени фокусировались на глубинных тыловых регионах Советского Союза. Правящим кругам Англии военный крах СССР уже казался неминуемым, и единственный смысл продолжающегося советского сопротивления им виделся в истощении военных сил Германии, поглощении их бескрайними просторами России с тем, чтобы отодвинуть на возможно более отдаленную перспективу возобновление военных действий Гитлера против Британии. Поэтому задачей британской дипломатии поначалу являлось удержание русских в войне любой ценой – даже путем их затяжного отступления в районы Сибири [Kennedy, 1957. С. 147–148].

При этом военно-индустриальный потенциал «ближнего» востока России англичанами оценивался невысоко. Известный английский военный эксперт Б.Г. Лидделл Гарт, публиковавший в газете «Дэйли Мэйл» регулярные комментарии к текущим военным событиям, писал 12 августа 1941 г.: «Развитие новейших индустриальных районов на Урале и за Уралом испытало замечательный прогресс. Но едва ли оно продвинулось настолько далеко, чтобы адекватно восполнить нужды Красной Армии, если будут потеряны более старые индустриальные районы» [Liddell Hart, 1942. С. 94].

Более оптимистично и конструктивно смотрели на эту проблему американские военные эксперты. Уже 11 сентября 1941 г. в официальном документе под названием «Мнение Объединенного Комитета [начальников штабов] относительно общей производственной программы Соединенных Штатов» военные стратеги США задачу «поддержания действующего фронта в России» связывали с формированием в районах Урала мощной стратегической базы обороны: «... Если советские войска будут отброшены даже за Уральские горы и если они будут продолжать там организованное сопротивление, всегда будет существовать надежда на окончательное и полное поражение Германии при помощи операций на суше. Надлежащее вооружение русских сил как путем снабжения их оружием извне, так и путем обеспечения производственных мощностей в бассейне реки Волги или

к востоку от Уральских гор явится одной из наиболее важных мер, какие могут быть приняты союзными державами» (цит. по: [Шервуд, 1958. С. 645–646]).

Повышенный интерес англо-американских союзников СССР к состоянию военно-индустриального потенциала Урала и Сибири объяснялся их далеко идущими стратегическими соображениями. Смысл нападения нацистской Германии на СССР 22 июня 1941 г. союзники видели в стремлении Гитлера не только сокрушить в ходе быстротечной «молниеносной» войны ненавистный ему Советский Союз, но и получить в свое распоряжение его необъятные экономические ресурсы. Перспективной целью Гитлера считалось создание на развалинах СССР мощной евразийской «трансконтинентальной» империи, простирающейся, по крайней мере, до Урала и Кавказа [Wight, 1999. С. 59]. (Позднее, в январе 1942 г., стало известно, что на переговорах с Японией о разделе «сфер ответственности» на территории побежденного СССР Управление военной экономики и вооружений вермахта, уже не удовлетворяясь проведением линии раздела по меридиану Омска, полагало, что завершенность германскому «макроэкономическому пространству» в Евразии придаст только объединение Урала с Кузнецким индустриальным бассейном [Rich, 1973. С. 235]). Если бы такой сценарий удался, это кардинально изменило бы глобальный силовой баланс и дало бы Германии неисчерпаемую ресурсно-экономическую базу для борьбы за мировое господство против Америки и Британской империи.

Значение ресурсно-экономического измерения войны подчеркивал в обзоре положения на русском фронте в октябре 1941 г. американский журнал «Лайф». Считая потерю Украины с Донбассом и Ленинграда уже предрешенной, журнал с тревогой констатировал, что главные военные усилия Гитлера теперь будут сосредоточены на прорыве к Кавказу, открывающему Германии доступ к ресурсам чиатурского марганца и нефти Баку, и захвате Москвы как стратегического узла всей русской обороны. В этих условиях, как говорилось в журнале, «принципиальной важности вопрос о продолжении сопротивления России заключается в том, до какой степени в течение последних пяти лет, ушедших на подготовку к альтернативе ведения войны против Германии и Японии, удалось развить производство в Уральском регионе». По мнению журнала, находившийся вне поля зрения иностран-

ных экспертов, огражденный плотной стеной секретности, Урал, отвечая за 50% советского производства подвижного железнодорожного состава, 40% тракторов, 35% алюминия, 20% чугуна, 35% добычи железной руды, 20% химической продукции и 4% нефти, становился тем «тузом в рукаве», приберегая который, Советы могли продолжить сопротивление в случае сдачи Москвы.

Журнал убеждал читателей, что этот регион – лишь первое и самое мощное из военно-индустриальных «депо», которые Советский Союз создал за годы первых пятилеток вдоль трассы Транссиба. Опираясь на эту эшелонированную цепочку узлов обороны – Свердловск, Челябинск, Омск, Новосибирск, Красноярск, Иркутск, – даже при худшем сценарии развития событий «Красная Армия сможет все-таки удерживать оборону по всей Сибири, медленно отступая от базы к базе». В обзоре утверждалось, что если при этом союзникам удастся поддерживать основные маршруты поставок в Россию через Арктику, Закавказье и Владивосток, то их дело нельзя будет считать окончательно проигранным [War on Russia, 1941. С. 47–48].

Сколь бы оптимистично-преувеличенной ни была такая оценка военно-индустриального потенциала Урала и Сибири, на этапе складывания антигитлеровской коалиции она превращалась, по сути, в критический вопрос для всей англо-американской стратегии. Прежде, чем решиться на отправку в Советский Союз крупных партий военного снаряжения, союзникам было важно знать, сможет ли он, утратив огромную часть территории и треть промышленных мощностей, остановить нацистский натиск, опираясь на созданную ранее военно-промышленную базу Урало-Кузбасса, и какой выигрыш во времени могли бы получить Англия и Америка при еще более плохом сценарии – в случае сдачи Москвы и отступления Красной Армии на подготовленные опорные пункты сопротивления в Сибири.

Если советская оборона падет под ударами Гитлера, то, согласно логике англо-американских союзников, их ресурсы могли попасть в руки Гитлера, и потому следует воздержаться от активной помощи Советскому Союзу, уповая лишь на то, чтобы агония несостоявшегося советского союзника дала Англии и Америке необходимый запас времени для организации собственной обороны. Эту позицию отстаивали, прежде всего, изоляционистские силы, считавшие, что война Советским Союзом уже проиграна

и США должны сосредоточить все свои ресурсы только на собственной обороне.

«Чудо» мобилизационной экономики

К моменту вступления СССР в войну с нацистской Германией союзники имели крайне скудную информацию о его глубинных тыловых районах, которые в значительной степени оставались для них *terra incognita* [Lauterbach, 1945. С. 180]. В этих условиях особенно востребованными оказались экспертные знания американских специалистов, которые в годы Великой Депрессии работали в Советском Союзе по контракту, ученых-русистов, журналистов, прежде освещавших русские проблемы и подолгу живших в СССР. Пальму первенства в этом поначалу удерживали, безусловно, журналисты.

В сентябре 1941 г., когда бóльшая часть политиков Англии и США была уверена в крахе русского фронта, известный американский журналист Морис Г. Хиндус выпустил книгу с весьма говорящим названием «Гитлер не может завоевать Россию». Опираясь на свой двадцатилетний опыт изучения Советской России, Хиндус доказывал, что даже в случае краха «формального фронта» и фрагментации русской обороны Гитлеру не удастся покорить эту огромную страну – во-первых, из-за ее необъятных пространств, способных поглотить любую армию, во-вторых, в силу особых свойств «русской человечности» – стихийного инстинкта свободолюбия и непокорности, который делает потенциальным партизаном каждого русского крестьянина [Hindus, 1941. С. 12, 19].

Однако более существенным было то, что книга Хиндуса стала одной из первых англо-американских работ, с которых в годы войны начиналось переосмысление достоинств и недостатков советской экономической системы. Советская индустриализация, которая еще в 1930-е гг. критиковалась на Западе за волюнтаризм и неоправданные жертвы интересами «потребления», в обстановке войны стала рассматриваться с обратным знаком – как проявление стратегической дальновидности.

По мнению, Хиндуса «сопротивление» русского пространства вторгшемуся врагу многократно усилено именно тем, что СССР придал ему «стальную прочность», форсированными темпами и в кратчайший исторический срок сумев рассредоточить свой

экономический потенциал по всей своей громадной территории, возвести далеко на востоке целые индустриальные районы.

Называя Уральский промышленный район «превосходным бастионом против врага с запада и востока», американский журналист описывал его как бурно растущую и «почти самодостаточную» «индустриально-аграрную империю», располагающую в своих пределах всеми видами производств, необходимых для выживания и обороны. Его промышленная структура, по мнению Хиндуса, сознательно сформирована с упором на тяжелую индустрию – с расчетом на возможность на этой исходной базе в несколько раз поднять производство вооружений.

«Вместе с сибирским хинтерландом в качестве базы поддержки, он [Урал. – К.З.] мог бы поддерживать крупную армию и продолжать войну, даже если будет потеряна вся Европейская Россия. Его слабейшим звеном является нефть, которую Америка могла бы поставлять, если этому не воспрепятствует Япония», – подчеркнул журналист.

Высоко оценивая создание в годы первых пятилеток второй угольно-металлургической базы – Урало-Кузбасса, Хиндус считал это исключительно важным для эффективной обороны стратегическим решением, реализующим принцип «экономической автономии» – неизбежного при громадных расстояниях и неразвитых путях сообщения построения экономики в виде «многослойной», эшелонированной системы относительно самодостаточных военно-индустриальных комплексов [Hindus, 1941. С. 64, 65–66].

Другим феноменом, поражающим союзников, явилась грандиозная эпопея эвакуации на Урал и в Сибирь промышленных мощностей и рабочих кадров. Американский журналист, корреспондент журнала «Тайм» Ричард Э. Лаутербах, описывая поражавшие воображение масштабы этого «переселения» индустрии на восток (более 1 млн грузовых вагонов с оборудованием и несколько миллионов человек), называл его «чудом», почти невероятным, если принять во внимание недостаточность железнодорожной сети Советского Союза, плотность которой была, в пропорции к размерам территорий, в восемь раз меньше, чем во Франции. Удивляла и скорость, с которой эвакуированные предприятия вводились в действие на новых местах. Р. Лаутербах приводит пример тракторного завода им. К. Е. Ворошилова, который был демонтирован и отправлен из Днепропетровска в конце

сентября 1941 г., а уже 11 октября того же года был запущен в действие в Орске [Lauterbach, 1945. С. 181–182].

Несмотря на обнадеживающие сведения о развертывании напряженной работы по формированию стратегического тыла на Урале и в Сибири, осенью 1941 г. большинство англо-американских политиков и экспертов открыто выражало неверие в способность советских войск отразить «блицкриг» и спасти Москву. Американский журналист, шеф московского бюро агентства «Юнайтед Пресс» Генри Шапиро вспоминал в 1975 г., что устроенный им импровизированный опрос среди многочисленного корпуса иностранных дипломатов и журналистов, эвакуировавшихся 15 октября 1941 г. в Куйбышев, выявил лишь трех человек, уверенных в том, что русские сумеют отстоять Москву. Это были британский посол Стаффорд Криппс, иранский посол Мохаммед Саид и руководитель американской миссии ленд-лиза Филип Феймонвилл [Senn, 2006. С. 64].

В этих условиях любая достоверная информация о состоянии стратегического тыла, ускоренными темпами создаваемого на востоке СССР – в регионах, закрытых для иностранных наблюдателей, приобретала особую ценность для политиков и общественного мнения Англии и США, заинтересованных в укреплении союза с СССР. Драматизм ситуации лишь подогревал этот интерес.

Г. Шапиро, по счастливой случайности, стал первым американским журналистом, посетившим в декабре 1941 г. Свердловск (он добился в Наркомате иностранных дел СССР разрешения на встречу с женой и дочерью, которые, как советские граждане, были эвакуированы в Алапаевск). Пораженный размахом той напряженной работы по переводу предприятий на выпуск военной продукции и размещению эвакуированных заводов, которая шла на Урале, журналист вспоминал: «Было так холодно, что они [уральцы. – К.З.] должны были разжигать костры на грунте, чтобы укладывать трубы и фундаменты. Они работали днем и ночью, особенно женщины. Возможно, от 70 до 80 процентов рабочих были женщины. Единственными мужчинами были инженеры. Я слышал истории о людях, которые падали замертво. Они не покидали заводов, работая при температурах ниже нуля. Это было воодушевляющее зрелище. Такие люди, как эти, не проигрывают войны легко. Царил всеобщий голод; продуктовые нормы были

очень низкими. Продовольственные магазины были закрыты, за исключением тех, которые отоваривали по карточкам» [Senn, 2006. С. 65].

На полные восхищения и оптимизма реляции Г. Шапиро по поводу состояния уральского тыла в феврале 1942 г. ссылался в своем послании в Госдепартамент США американский поверенный в делах Уолтер Тёрстон, выделив в качестве одного из главных факторов стойкости СССР в напряженной борьбе с агрессором бурно растущую на востоке страны – частично за счет эвакуированных предприятий, частично за счет нового строительства – военную промышленность [Foreign Relations, 1961. С. 414].

Более обстоятельный анализ источников прочности советской обороны был дан в апреле 1942 г. в докладе Госдепартаменту США послом США в СССР адмиралом Уильямом Х. Стэндли. В качестве таких факторов послом были выделены, прежде всего, советская структурная политика, еще до войны «делавшая упор на тяжелую индустрию за счет производства предметов потребления», и сопряженное с ней «плановое распределение» экономического потенциала страны, выразившееся в создании баз тяжелой индустрии на востоке страны (Урал, Сибирь и Казахстан). В этих районах, расположенных «за пределами радиуса систематических операций вражеской авиации», как отмечал Стэндли, уже перед войной производилась половина советской стали и сосредоточивались основные ресурсы стратегического сырья (медь, цинк, свинец, ванадий, молибден и др.).

Говоря о результативности беспрецедентных мероприятий по эвакуации промышленности на восток СССР, Стэндли сообщал: «Все главные промышленные предприятия были вовремя эвакуированы на восток с оккупированных территорий и из приграничных районов и, как правило, вновь вступали в эксплуатацию в течение двух или трех месяцев» [Foreign Relations, 1961. С. 434, 435].

Эти военные реалии давали основание и для более далеко идущих стратегических выводов. Английские эксперты, авторы атласа «Глобальная война» (1942), анализируя опыт формирования советского стратегического тыла, отмечали, что «война моторов», которая сокращает расстояния и в то же время демонстрирует провал даже такого «логистического триумфа», как

прорыв вермахта к Москве, свидетельствует о том, что надежду на выживание в новой военной реальности имели лишь наиболее крупные государства. Среди них на первое место следует поставить Советский Союз, поскольку, помимо большой территории, для него было характерно такое преимущество, как превентивное размещение значительной части военно-индустриальных мощностей в необходимом удалении от границ [Mowrer, 1942. С. 24–25].

Приближая победу

Интерес союзников к стратегическому тылу СССР устойчиво рос в течение всего периода войны, поскольку, в представлении англо-американских стратегов, его становление в перспективе существенно меняло расстановку сил на всем Евразийском континенте и в мире в целом. В годы войны происходило изменение самого географического образа СССР: если в предвоенные годы он, будучи глубоко вовлеченным в перипетии европейской политики, и воспринимался на Западе, по большей части, через свой обращенный к Европе фасад, то теперь, за счет стремительной миграции жизненно важных центров советской оборонной индустрии на восток, эта диспозиция существенно изменилась.

Наблюдения за становлением «срединной» военно-индустриальной базы Советского Союза в глубине Евразии позволили известному английскому географу, основателю геополитики Хэлфорду Дж. Маккиндеру придать завершающие штрихи своей концепции «Хартлэнда» – «срединной земли».

Само нападение Гитлера на СССР в июне 1941 г. Маккиндер рассматривал как попытку предупредить советские усилия по исправлению тех невыгод размещения оборонной индустрии и аграрных житниц, которые были связаны с их инерционным тяготением к давно обжитым регионам Европейской России. В 1943 г. в своей программной статье британский стратег сделал вывод о том, что в перспективе продолжающейся борьбы с агрессором формирующийся русский «Хартлэнд», обладая колоссальным по величине и разнообразию ресурсным потенциалом, создает для СССР возможность достижения полной автаркии. Этот потенциал (прежде всего, месторождения полезных ископаемых), к тому же, стратегически удачно рассредоточен по территории страны.

Дальнейшее усиление стратегической мощи СССР, согласно Маккиндеру, неизбежно будет связано с достижением в кратчайшие сроки максимально полного соответствия между исходными естественно-географическими предпосылками его силы, заключенными в обладании центральной позицией на Евразийском материке, и новой моделью размещения производительных сил, предполагающей решительный их сдвиг в восточном направлении. Признаками усиления этой тенденции в годы войны Маккиндер считал быстрый рост тяжелой промышленности на Южном Урале (в самом центре «центрального региона»!), разработку углей Кузнецкого бассейна, формирование восточных баз добычи марганца и нефти, расширение аграрных площадей в Сибири.

Эти успехи СССР, достигнутые в тяжелейших условиях войны, давали основание Маккиндеру предвидеть, что «если Советский Союз выйдет из этой войны победителем Германии, он должен достичь ранга величайшей сухопутной державы на Земном шаре. Более того, он будет державой со стратегически сильнейшей оборонительной позицией. «Хартлэнд» является величайшей естественной крепостью на Земле. Впервые в истории она укомплектована гарнизоном, достаточным и по числу, и по качеству» [Mackinder, 1943. С. 600–601].

Близкую оценку произошедших сдвигов в пространственной структуре советской военно-индустриальной мощи высказал в конце войны видный американский эксперт Роберт Страус-Хюпе. Рассматривая будущий баланс сил в мире сквозь призму размещения основных центров угольно-металлургической (а, соответственно, и машиностроительной и военной) промышленности, Страус-Хюпе отметил, что за годы войны, проявляя удивительную энергию в размещении своих арсеналов на востоке страны, Советский Союз фактически создал на базе более раннего Урало-Кузнецкого проекта новую «обширную автономную индустриальную систему в русской Азии», способную существенно повлиять на силовой баланс в мире. Эта система, как отмечал эксперт, обещает стать не искусственным, «тепличным» продуктом, но предпосылкой для дальнейшего «феноменального расширения» [Strausz-Hupé, 1945. С. 130, 131–132].

Более сдержанно и скептически оценивал экономический и силовой потенциал русского «Хартлэнда» один из корифеев

американской геополитики Николас Дж. Спайкмэн. Не отрицая успехов СССР в развитии восточных регионов (прежде всего, перспективной военно-индустриальной «оси» Свердловск – Новосибирск) и подчинении их потенциала нуждам обороны, Спайкмэн тем не менее выражал сомнение в том, что это приведет к каким-либо кардинальным сдвигам в пропорциях ресурсной силы и производительности между регионами СССР.

По его мнению, вне чрезвычайных военных обстоятельств суровые природные условия Евразии будут на перспективу сильнейшим тормозом для перемещения основных отраслей промышленности и аграрных житниц СССР на восток, в частности, в Сибирь. Нельзя будет ожидать большого эффекта и от перемещения в центр Евразии важнейших узлов транспортных коммуникаций, поскольку их значение будет, как считал Спайкмэн, обесцениваться тем, что граничащие с Сибирью регионы СССР (Средняя Азия) и примыкающие страны Азии (Афганистан, Синьцзян, Монголия) останутся территориями, слабо освоенными в транспортном отношении. Всё это, по мнению американского аналитика, будет блокировать возможности СССР распространить из центра Евразии сколько-нибудь сильное влияние на соседние страны Азии и бросить в этом отношении вызов западным странам [Spykman, 1944. С. 39–40].

Спайкмэн, безусловно, проницательно угадал наличие тех факторов торможения «восточного сдвига», которые позднейшие исследователи объясняли уже не просто суровостью природных условий, но в категориях борьбы экономических интересов – стремления отраслевых министерств (наркоматов) СССР к «краткосрочной максимизации» затрат за счет старых освоенных регионов европейской части СССР и желания высших инстанций управления добиться более равномерного и рационального (с точки зрения близости к источникам сырья и энергии) размещения новых производств.

Однако прогноз Спайкмэна относительно геополитических последствий военных перемещений промышленности на восток в целом оказался неверен и в части влияния опыта войны на послевоенные программы освоения Сибири, и в части воздействия советского примера на сопредельные страны Азии (лучшим доказательством явилась китайская революция 1949 г.). По существу, позиция Спайкмэна была обращена уже не столько к проблеме

оценки военного потенциала восточных регионов СССР в контексте борьбы с Германией, сколько к перспективе послевоенного развития, где геополитически усилившийся в Азии Советский Союз уже выступал не союзником, а соперником США.

На завершающем этапе войны стратегическое значение для союзников сформированного на Урале и в Сибири военно-промышленного потенциала определялось еще целым рядом обстоятельств. Создание «срединной» военно-индустриальной базы СССР на востоке не только намечало усиление его влияния в приграничных странах Азии, но и объективно превращалось в немаловажный фактор, связывающий силы Японии на Тихоокеанском театре военных действий.

Уже в 1942 г. со стороны США последовали попытки подключить Советский Союз к своим военным усилиям в борьбе с Японией. В печати союзников активно распространялись слухи о намерении Японии повернуть острие своей агрессии с «южного направления» на советское Приморье, и на этом основании зазвучали призывы к СССР, опережая события, открыть на Дальнем Востоке новый фронт против Японии [см.: Steiger, 1942].

В телеграмме президента США Ф. Д. Рузвельта И. В. Сталину в июне 1942 г. под предлогом возрастающей угрозы для СССР со стороны Японии было предложено усилить военно-стратегическое взаимодействие между США и СССР на Дальнем Востоке путем организации перегоночной авиатрассы с Аляски до озера Байкал. Предлагалось с этой целью послать в СССР военную миссию США для изучения на месте, в Восточной Сибири, возможностей инфраструктурного оснащения будущей авиатрассы [Outgoing Messages, 1942].

Очевидно, эта была завуалированная попытка спровоцировать нарушение Советским Союзом пакта о нейтралитете с Японией и, пользуясь потребностью СССР в поставках американских боевых самолетов, втянуть его преждевременно в войну на Дальнем Востоке. В конечном итоге, американцев интересовала возможность использовать советские аэродромы в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке для организации «челночных» бомбардировок Японии и поддержания авиасообщений с западными районами Китая.

План Рузвельта был реализован лишь частично: авиамост Аляска – Сибирь (АЛСИБ) был организован уже в августе 1942 г.,

но Советский Союз настоял на том, чтобы перегон авиатехники по советской части маршрута – от Номы на Аляске до Красноярска – осуществлялся исключительно советскими пилотами. Снабжение аэродромов и других наземных служб вдоль трассы потребовало сложной логистической операции – организации регулярной доставки военных материалов и авиационного горючего советскими судами (из них значительная часть – переданные в советский регистр американские грузовые пароходы и танкеры) из США через Берингов пролив в Амбарчик (в устье Колымы) и Тикси (в устье Лены). Через АЛСИБ с начала открытия этой трассы до июля 1945 г. Советский Союз получил 7925 военных самолетов из 14203, доставленных всего за годы войны по ленд-лизу [Jones, 1969. С. 211, 212–213].

Актуальность вопроса о совместных действиях СССР и союзников на Дальнем Востоке возросла в конце 1943 г., когда на Тегеранской конференции было вынесено решение о вступлении Советского Союза в войну с Японией после окончания боевых действий в Европе. В представлении американских военных экспертов наличие «осевой» военно-промышленной базы в Урало-Сибирском регионе являлось существенным фактором организации эффективного коалиционного взаимодействия по разгрому Японии.

Американский эксперт Ричард Логан в этой связи отмечал, что военно-промышленные мощности, созданные путем эвакуации и нового строительства в Сибири, в самом центре Евразийского материка, качественно изменили характер индустриального развития востока СССР: если до войны создаваемые там промышленные предприятия были ориентированы лишь на удовлетворение потребностей «местных рынков» и сокращение нерациональных перевозок, то в военное время на востоке СССР росли в основном крупные предприятия, способные эффективно поддерживать своей продукцией проведение крупных военных кампаний не только против Германии на западе, но и против Японии на востоке [Logan, 1945. С 118].

При этом особое значение американские союзники уделяли экспертизе состояния транспортно-логистической инфраструктуры Сибири и Дальнего Востока, благодаря которой для подготовки и развертывания наступательных действий полуторамиллионной группировки советских войск против Японии в августе

1945 г. США поставили более 860 тыс. т сухих грузов и 206 тыс. т жидких (в основном горючее) [Deane, 1947. С. 104].

В конце войны для деловых кругов и многих политиков США регионы Урала и Сибири представляли интерес и еще в одном отношении: их растущие потребности в передовой технологической продукции рассматривались американцами не только как возможность дальнейшего углубления военно-экономического сотрудничества с СССР, но и как емкий потенциальный рынок для американской индустрии.

США, стремясь к повышению своей глобальной экономической роли в послевоенном мире, рассчитывали на то, что укрепившееся в ходе войны коалиционное сотрудничество станет эффективным инструментом воздействия на эволюцию СССР в желательном для Запада направлении через кредиты и поставки товаров. Эти соображения в значительной мере определяли повестку визитов в крупнейшие индустриальные центры советской Азии ряда государственных деятелей США – вице-президента Генри Э. Уоллеса (май–июнь 1944 г.) (см. [Wallace, 1946]), председателя Совета по военному производству США Дональда М. Нельсона (август 1944 г.), побывавшего в Свердловске, Магнитогорске и Новосибирске [Nelson, 1946. С. 420, 425], председателя Торговой палаты США Эрика Джонстона (август 1944 г.), который с большой группой американских журналистов посетил важнейшие индустриальные центры Урала и Западной Сибири (см.: [Зубков, 1993]).

Изменяющийся контекст отношений СССР с англо-американскими союзниками показывает, что сформированный на Урале и в Сибири стратегический тыл на каждом из этапов Великой Отечественной войны не только определял прочность советской обороны, но и играл важную роль в повышении международного авторитета СССР и укреплении геополитических и прагматических основ антигитлеровской коалиции.

Литература/References

Зубков К. И. Свердловск военных лет глазами американских журналистов // Екатеринбург в прошлом и настоящем: Материалы научной конференции, посвященной 270-летию города. Екатеринбург, 1993. С. 89–92.

Zubkov, K.I. (1993). Wartime Sverdlovsk in the American Journalists' Eyes // Yekaterinburg in the Past and Present: Proceedings of scientific conference dedicated to the city's 270th anniversary. Yekaterinburg, Pp. 80–92.

Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс глазами очевидца. Т. 1. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1958. 679 с.

Sherwood, R. (1958). Roosevelt and Hopkins in Eyewitness' Report. Moscow: Publishing House of Foreign Literature, 679 pp.

Deane, J.R. (1947). The Strange Alliance. *Life*. January 20. Vol. XXII, No. 3. Pp. 98–100, 102, 104, 107, 110, 113.

Foreign Relations of the United States. (1961). Diplomatic Papers, 1942 (In Seven Volumes): Vol. III. Europe. Wash.: U.S. Government Printing Office, vi, 869 pp.

Hindus, M. G. (1941). *Hitler Cannot Conquer Russia*. Garden City, N.Y.: Doubleday, Doran & Co., Inc. xiv, 299 pp.

Jones, R.H. (1969). *The Roads to Russia. United States Lend-Lease to the Soviet Union*. Norman (Oklahoma): University of Oklahoma Press, xix, 326 pp.

[Kennedy, John]. (1957). *Business of War: The War Narrative of Major-General Sir John Kennedy*. Ed. and with a foreword by D. Fergusson. L.: Hutchinson & Co., xxiii, 370 pp.

Lauterbach, R.E. (1945). *These Are the Russians*. N.Y.; L.: Harper & Brothers Publishers. 368 pp.

Liddell Hart, B.H. (1942). *This Expanding War*. L.: Faber & Faber, 278 pp.

Logan, R.F. (1945). Siberia as a Base. *Far Eastern Survey*. Vol. XIV, No. 9. Pp. 118–120.

Mackinder, H.J. (1943). The Round World and the Winning of the Peace. *Foreign Affairs*. Vol. XXI, No. 4. Pp. 591–609.

Mowrer, E.A., Rajchman, M. (1942). *Global War: An Atlas of World Strategy*. L.: Faber & Faber Ltd., 128 pp.

Nelson, D.M. (1946). *Arsenal of Democracy: The Story of American War Production*. N.Y.: Harcourt, Brace and Co. xviii, 439 pp.

Outgoing Messages Roosevelt to Stalin: 23 June 1942 Roosevelt to Stalin / National Archives and Records Service, Franklin D. Roosevelt Library: Map Room Papers, Box 8. Pp. 9–10. Available at: http://www.fdrlibrary.marist.edu/_resources/images/mr/mr0051.pdf

Rich, N. (1973). *Hitler's War Aims: Ideology, the Nazi State, and the Course of Expansion*. N.Y.; L.: W.W. Norton & Co. xviii, 352 pp.

Senn, A.E. (2006). *Foreign Correspondent in Moscow, 1932–1973*: Henry Shapiro. Kaunas: Vitauto Didžiojo universiteto lidykla, 186 pp.

Spykman, N.J. (1944). *The Geography of the Peace*. Ed. by H.R. Nicholl. N.Y.: Harcourt, Brace and Co. xii, 66 pp.

Steiger, A.J. (1942). Siberia, Soviet Far Eastern Front. *Free World*. Vol. II, No. 3. Pp. 257–260.

Strausz-Hupé, R. (1945). *The Balance of Tomorrow: Power and Foreign Policy in the United States*. N.Y.: G. P. Putnam's Sons, viii, [1], 302 pp.

Wallace, Henry A. (1946). *Soviet Asia Mission. With collaboration of A.J. Steiger*. N.Y.: Reynal & Hitchcock, 254 pp.

War on Russia. (1941). *Life*. October 13. Vol. LVII, No. 2. Pp. 44, 47–48, 50.

Wight, M. (1999). *Power Politics*. Ed. by H. Bull and C. Holbraad. L.; N.Y.: Leicester University Press; Royal Institute of International Affairs. 317 pp.

Статья поступила 13. 04. 2020.

Статья принята к публикации 15.04.2020.

Для цитирования: *Зубков К.И.* Урало-сибирский тыл Победы и англо-американские союзники // ЭКО. 2020. № 5. С. 26-41. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2020-5-26-41.

For citation: Zubkov, K.I. (2020). The Ural-Siberian Home Front of Victory and the Anglo-American Allies. *ECO*. No. 5. Pp. 26-41. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2020-5-26-41.

Summary

Zubkov, K.I., Cand. Sci. (Hist.), Institute of History & Archaeology, Ural Branch, RAS, Yekaterinburg

The Ural-Siberian Home Front of Victory and the Anglo-American Allies

Abstract. The paper gives an analysis of conditions and factors which, during the Great Patriotic War of 1941–1945, had determined the heightened attention of the USSR's Anglo-American allies toward the regions of the Urals and Siberia as the strategic military-industrial base of fighting the aggression of both Nazi Germany and militarist Japan. Specific features of the attitudes of the USA and Great Britain over the role and significance of the Ural-Siberian home front are revealed in regard to formation of the anti-Hitlerite coalition, organization of combat against the aggressive powers and postwar power balance. The analysis is based on positions and estimates of the political establishment, diplomats, and journalists, as well as literature on the Urals and Siberia published in the USA and Great Britain during wartime.

Keywords: *Urals; Siberia; United States of America; Great Britain; Great Patriotic War; Second World War; strategic home front; allies; anti-Hitlerite coalition; military-industrial base*